

Мавзолей в Чишмах

Геннадий Гарустович,
кандидат исторических наук

В центре древнего кладбища Акзиарат, на восточной окраине поселка Чишмы высится квадратное строение, увенчанное сферическим куполом. В легендах, записанных среди местного населения, постройка носит название “кэшэнэ (мавзолей Хусейнбека)”.

У подножия террасы, занятой некрополем, находится озеро – старица реки Дёмы. Еще в начале XX века на склоне бил родник, ныне заросший. Акзиарат – по-башкирски белое (святое) кладбище – в XIX и начале нашего века посещали многочисленные мусульманские паломники, совершавшие в “божественном” ручье омовения.

Мавзолей возведен из крупных тесаных обломков известняка. Он возвышается над современной поверхностью земли более чем на пять метров. Вход в мавзолей расположен с южной стороны, а в центре трех других стен пробиты окна, имеющие полукруглые завершения. Судя по описаниям краеведов, уже в XVIII–XIX веках древнее сооружение лежало в руинах. В 1911 году по распоряжению уфимского муфтия Ходжи Мухаммедьяра Мухаммед Шерифа Султанова наиболее почитаемую мусульманскую святыню Приуралья попытались подновить. При этом первоначальные формы памятника были основательно изменены.

Представить первоначальные, древние формы здания не сложно, если обратиться к другому подобному сооружению, находящемуся в километрах в двенадцати от Чишмов, близ деревни Нижние Термы, на вершине коренного левого берега речки Слак. Легенда приписывает его сооружение Турахану. Но, скорее всего, это не имя исторического лица, а искаженный его титул, буквально переводимый как “господин-хан”. Когда-то вокруг стен размещалось старое кладбище, но в период борьбы с “религиозными пережитками” надгробные камни с надписями уничтожили.

Одиноко стоящее на холме белокаменное здание портално-купольной формы. Здание и в наше время поражает своей монументальностью. Широкая безлесная пойма реки Слак отменяется поросшим травами склоном мыса. И стоящий там древний мавзолей с устремленным кверху куполом производит внушительное зрелище.

Для строительства использовались слегка подработанные плиты известняка и песчаника. Кладка велась на известковом растворе высокого качества. Размеры этого мавзолея поменьше, чем у “собрата” в Чишмах. Толстые метровые стены на высоте около четырех метров переходят в невысокий барабан в виде граненого цилиндра, который увенчан восьмигранным шатровым куполом. Общая высота превышала семь метров, но к нашему времени вершина этого купола осыпалась до середины своей высоты.

Средневековые зодчие оригинально решили проблему устойчивости стен здания, облегчив купол посредством применения легкого природного материала – вулканического туфа. Обычная для мусульманской средневековой архитектуры трехчленность (стены, барабан, купол) требовала продуманности переходов от четверика стен к следующей архитектурной части – барабану. Неизвестные зодчие просто и оригинально разрешили эту непростую задачу. Чтобы сделать гармоничный переход квадрата к восьмиграннику, они как бы срезали углы стены, добившись тем самым удвоения граней. Этот прием называется срезанным или скошенным тромпом.

Не менее оригинально древние строители исполнили еще один элемент, предписываемый канонами ислама, – портал. Портальная арка (пештак), обрамляющая вход в мусульманской архитектуре, служила главным украшением фасада. Она, как правило, являлась продолжением боковых стен и возвышалась над ними. В кэшэнэ Турахана вход вынесен за счет пристройки своеобразной крытой галереи, низкой и неширокой. Вход устроен в восточной стене, а с запада и юга облик стен оживлялся невысокими оконными проемами с полукруглым завершением. Внутреннее пространство кэшэнэ поражает аскетизмом, простой земляной пол и полумрак вызывают чувства благоговения.

Усыпальница Турахана не случайно сохранила свою первоначальную форму, которая утрачена в двух других, соседних сооружениях.

В трехстах метрах к югу от кэшэнэ Турахана можно заметить фундамент еще одной монументальной постройки, называемой “Малый кэшэнэ”. Что же это на самом деле? С легкой руки авторов XVIII–XIX веков, которые в свою очередь излишне доверялись народным преданиям, в краеведческую литературу попали такие определения: “мечеть Хусейнбека”, “дворец Турахана”, “Дом суда” и так далее. И до сих пор они нет-нет да используются. Все это лишь красивые названия, не имеющие ничего общего с исторической правдой. Перед нами вне всякого сомнения еще одна усыпальница. Здесь до наших дней сохранилась каменная плита с полустертой арабской эпитафией:

1. “Справедливый в своих решениях хаджи Х[усейн]н –
2. [бек сын Омарбека...] ... рсасского из Туркестана, [покойного]
3. боже мой, помилуй милостью [обширную],
что же его своим благодеянием
4. Скончался [девятого] дня благословенного
богом месяца
5. [Чет]вертого, года семьсот сорокового
(?)
6.

Историк Г.В.Юсупов, выполнивший этот перевод, дату смерти прочитал как 1339 год.

В 1985 году археологи предприняли раскопки внутри “Малого кэшэнэ”. Были обнаружены четыре захоронения в простых могильных ямах, без обычных мусульманских подбоев. Погребенные лежали в прямоугольных ящиках – гробовищах (табут), в положении вытянуто на спине, ориентированы головами на запад и северо-запад. Лица покойных развернуты к югу – в сторону Мекки, как этого требуют законы шариата. Согласно тем же правилам, в захоронениях не было вещей.

Загадочным выглядит главное захоронение, занимавшее центр мавзолея. Здесь покоилась женщина настолько старая, что у нее не только выпали все зубы, но даже и сами корневые отверстия полностью заросли. Лицевые кости черепа были раздроблены, а голова женщины срублена. На черепе сохранился срез, оставленный саблей, а голова просто положена в могилу и даже не повернута в сторону Мекки. О том, что произошло здесь более шестисот лет назад, остается лишь гадать. Ведь эта женщина занимала высокое положение в обществе, недаром же она захоронена в усыпальнице, да еще в самом ее центре...

В том же году археологи исследовали мавзолей Хусейнбека в Чишмах. Здесь были обнаружены девять погребений в простых могильных ямах. Покойные, помещенные в гробы-табуты, лежали вытянуто на спине и ориентированы головами строго к западу. Лица их, как и положено, были повернуты на *кыблу* – в сторону Мекки. Вещей в захоронениях не было, за исключением зубов лошади в одной детской могиле.

При раскопках удалось обнаружить надгробия. В центре усыпальницы напротив входа был похоронен сам Хусейнбек, сын Омарбека. В головах у него стояла каменная плита с эпитафией, а вокруг самой могилы имела овалной формы оградка из каменных плиток, положенных без раствора. По-видимому, уже к концу XVIII века она полностью разрушилась.

Слева от мужчины, в один ряд с ним располагались два женских захоронения и над обоими были сделаны гипсовые надгробия. Наиболее примечателен намогильник ближний к Хусейнбеку. Он имел вид ступенчатой трехъярусной плиты, уложенной по всей длине могилы. Надгробие увенчано удлиненным подтреугольным выступом с закругленным верхом. Схожие намогильники (мастаба) обычны в средневековых мусульманских некрополях, хотя точные аналогии нам неизвестны.

Следующая женская могила на поверхности была отмечена простой прямоугольной гипсовой плитой, но зато здесь было расчищено деревянное гробовище оригинальной формы. Прямоугольный ящик был сколочен железными коваными гвоздями и имел крышку в форме призмы. Гробовище украшено железными пластинчатыми оковками, завершение которых имело вид трилистника.

Раскопки внутри кэшэнэ Турахаана не проводились, но в 1975–1976 годах сотрудниками Московского института реставрации (под руководством Е.Л.Хворостовой) были пробыты несколько шурфов. В одном шурфе доисследовано разрушенное грабителями погребение в деревянном гробу, скрепленном железными коваными гвоздями. Покойный был ориентирован головой на запад и одет в длинную рубаху, низ которой был выткан орнаментальными узорами.

Обнаружены также остатки второго захоронения, над которым когда-то было сделано, ныне разрушенное, каменное надмогильное сооружение, а рядом с ним лежали кости лошади или коровы.

Проведенные археологические работы позволяют с полным основанием утверждать, что мавзолей служили семейными усыпальницами. В “Малом кэшэнэ” покоились мужчина, пожилая женщина и два подростка. Та же самая картина отмечена в мавзолее Хусейнбека, где захоронены трое взрослых, подросток и пятеро детей. Взрослые всегда занимали центральное положение во внутреннем помещении постройки, а дети лежали по сторонам от них или в ногах у родителей.

Как мы видим, все три сооружения имели одинаковое назначение, были идентичны по обряду захоронения, имели схожие архитектурно-строительные особенности. Близость архитектурных форм каменных мавзолеев очевидна, несмотря на плачевное современное состояние построек. Данные раскопок подтверждают общее впечатление. Они показывают, что “Малый кэшэнэ” не был построен и что высота стен в древности не намного превышала современную. Раскопки кэшэнэ Хусейнбека выявили остатки древнего фундамента и следы разрушенного портала. Следовательно, первоначальный вид этого мавзолея был схож с формами усыпальницы Турахаана. Об этом свидетельствуют и фотографии руин мавзолея Хусейнбека, сделанные до его перестройки – в конце XIX века. На фотографиях хорошо заметны характерные скошенные тропы, остатки порталной ниши и прочие архитектурные детали, знакомые нам по внешнему виду кэшэнэ Турахаана.

Теперь ответим на вопрос о времени сооружения мемориальных памятников в Приуральской лесостепи. Как уже говорилось, эпитафия на плите в честь Хусейнбека указывает дату 1339 год. Другие кэшэнэ не имеют подобных надежных датировок. Однако обряд захоронений в них схожий, что дает нам право датировать все мавзолеи в Чишмах XIV веком. Подобный обряд в XV веке сменяется мусульманским, в котором не использовались гробовища, но зато абсолютно преобладают захоронения в подбоях-ляхедах. С другой стороны, ранее конца XIII века мавзолеи не могли возводиться на башкирской земле, поскольку на это время приходится процесс перехода от языческих захоронений с вещами к раннемусульманским. В могилах XIII века фиксируются следы этого переходного процесса, в виде множества языческих пережитков. Но в мавзолеех их уже нет. А если обратиться к архитектуре Волжской Булгарии, бросается в глаза наличие на Болгарском городище в современном Татарстане мавзолеев как две капли воды близких нашим кэшэнэ. Имеются в виду усыпальницы, носящие названия “восточный” и “северный” мавзолеи (ранее – “Церковь святого Николая” и “Монастырский погреб”). Внутри болгарских усыпальниц найдены плиты с эпитафиями, которые позволяют надежно датировать памятники первой половине XIV века. Тем самым все ранние даты – к примеру, IX век, указываемый многими непрофессиональными авторами статей, основанные на неверном переводе эпитафий Хусейнбека, следует признать ошибочными.

Связи Приуралья с Волжской Булгарией золотоордынского времени подтверждаются и общностью архитектурных и строительных приемов,

**Холодный камень средневековья...
Кэшэнэ Хусейнбека в Чишмах – усыпальница первых
исламских проповедников в башкирских землях**

погребальной обрядности и специфики эпитафийной традиции. Но наиболее предметно эти связи доказываются анализом материала, из которого сложены купола приуральских мавзолеев. Это вулканический туф, добытый в каменоломнях вблизи Болгарского городища.

Этому нисколько не противоречит факт рождения Хусейнбека в Туркестане, о чем сказано в эпитафии. Несомненно, он являлся мусульманским проповедником и был послан золотоордынским ханом Узбеком для пропаганды ислама в пределах Волжской Булгарии, вошедшей в начале XIV века в состав Улуса Джучи.

Признаки иной архитектурной школы, не связанной с болгарской культурой, выявляются на юге Башкортостана. Здесь особую группу памятников монументального зодчества составляют мавзолеи степной полосы Южного Урала. В 1968–1969 годах на территории Кугарчинского района археолог Н.А.Мажитов произвел раскопки кирпичной усыпальницы на окраине деревни Максютново. Сохранились стены прямоугольной в плане постройки из прямоугольного и квадратного кирпича красного и серого цветов.

Входной проем на южном фасаде выделен порталом. Боковые стены украшены узорчатой кладкой из разноцветного кирпича. Но одним из главных украшений здания был портал-пештак. Толщина стен мавзолея превышала один метр. Пол внутренней прямоугольной камеры устлан кирпичом. В центре мавзолея вскрыт своеобразный каменный склеп, где расчищены останки женщины, положенной вытянуто на спине, ориентированной головой к западу. Покойная была

обернута в лубок. Голова повернута лицом к югу. Вещей в могильной яме не было. Местные легенды объявляют кэшэнэ местом захоронения мудрой и благочестивой женщины Бэндэбикэ.

Ко времени раскопок здания свода и купол, венчавший кэшэнэ, не сохранились, но в том, что они были, нет никаких сомнений. Для подтверждения этой догадки достаточно обратиться к архитектуре других сохранившихся мавзолеев Южноуральского региона. На территории Челябинской области у поселка Варна высятся кирпичная усыпальница, носящая название “Кисене” или “Башня Тамерлана”. Эта постройка портално-купольной формы имеет выраженный портал-пештак, остроконечный шатровый купол и барабан. Варнинский мавзолей надежно датирован XIV веком на основе найденной в погребении серьги с двумя жемчужинами. Близкие по форме усыпальницы сохранились до наших дней на территории Актюбинской области Казахстана. Это кэшэнэ Абат-Байтак и Болгасын. Кроме того, на территории Кустанайской, Оренбургской, Челябинской областей встречаются руины кирпичных монументальных сооружений близких по архитектуре мавзолею Бэндэбикэ. Все эти сооружения, как и кэшэнэ в Чишмах, были возведены на протяжении XIV века и напрямую связаны с процессом настойчивого обращения в ислам степного населения золотоордынского государства.

Архитектурно-строительные особенности кирпичных усыпальниц находят близкие аналогии среди памятников зодчества Средней Азии и выстроженных туркестанскими мастерами мавзолеев в городских центрах Улуса Джучи.